

А. А. Башкирова

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1914–1917): ПО МАТЕРИАЛАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ¹

На основе анализа дальневосточной периодической печати 1914–1917 годов рассматривается влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение женщин на Дальнем Востоке. Массовая мобилизация мужского населения спровоцировала рост спроса на женский труд. Периодическая печать фиксировала ключевые изменения в статусе женщин, включая их участие в благотворительной деятельности, работу в качестве сестёр милосердия, а также правовые инициативы и изменения. Делается вывод о том, что совокупность военных и революционных событий выступила в качестве катализатора разрушения традиционных гендерных моделей в Дальневосточном регионе.

Ключевые слова: Первая мировая война, Дальний Восток России, женский труд, гендерные стереотипы, дальневосточная периодическая печать, женская занятость.

Проблематика влияния Первой мировой войны на социально-экономическое положение женщин в 1914–1917 годах вызывала интерес в научном сообществе как в советский, так и в постсоветский период [1; 8; 10]. В качестве ключевого исследователя по истории дальневосточного тыла в годы Первой мировой войны необходимо выделить работы Т. Я. Иконниковой. Несмотря на то что основной фокус её исследования не сосредоточен на гендерных аспектах, автор уделяет значительное внимание социальным процессам, ключевым субъектом которых были женщины [7]. Главным источником для исследования социально-экономического положения женщин в годы Первой мировой войны является дальневосточная периодическая печать 1914–1917 годов, в том числе «Дальний Восток», «Приамурские ведомости», «Амурское эхо», «Далёкая окраина», «Уссурийский край» и «Приамурская жизнь».

¹ Настоящая статья была представлена в виде доклада на XII Международной научной конференции «Крушановские чтения: Итоги и перспективы развития исторической науки на Востоке России» (ДВО РАН) 3 июня 2026 г.

В условиях Первой мировой войны (1914–1917) произошли значительные трансформации в распределении гендерных ролей в сфере занятости. Масштабная мобилизация мужского населения привела к возникновению постоянно растущего спроса на женский труд в отраслях, ранее преимущественно ориентированных на мужчин. По данным, представленным Т. Я. Иконниковой, в Приамурском военном округе на военную службу было призвано более 100 тысяч человек, что повлекло за собой серьёзные нарушения в функционировании многих предприятий [7, с. 164]. В ответ на эту ситуацию женщины начали активно занимать места мужчин в различных отраслях.

В начале 1916 года в газете «Дальний Восток» вышел материал, в котором констатировалось, что военные действия существенно повысили спрос на женский труд. В публикации отмечалось, что этот феномен способствовал не только увеличению занятости женщин в отраслях, традиционно считавшихся исключительно мужскими, но и стал важным шагом на пути к доказательству их профессиональной компетентности и способности к выполнению задач, ранее ассоциировавшихся исключительно с представителями сильного пола. Автор статьи подчеркнул, что эти изменения постепенно вели к завоеванию женщинами равноправия как в Российской империи, так и в мире в целом [3].

Развивая тему расширения женской занятости, дальневосточная пресса обращала внимание не только на экономические сдвиги, но и на сопротивление бюрократической системы. 9 апреля 1916 года газета «Приамурская жизнь» опубликовала статью «Женский труд и бюрократия», где сообщалось, что вслед за министерством финансов, государственным контролем и министерством путей сообщения к разработке законопроекта о предоставлении женщинам права занимать в центральных учреждениях должности до седьмого класса и исполнять обязанности старших и младших помощников столоначальников приступили и другие ведомства. Кроме того, предлагалось пригласить несколько женщин-юристов для занятий в юридическом отделе министерства. «Так, одно за другим, ведомства отказываются от старого и, по правде сказать, далеко не умного предрассудка», — констатировала газета. Однако автора статьи смущало, что вместо того, чтобы отменить общее положение устава о «службе гражданской», не допускавшее женщин на государственную службу, каждое ведомство создавало свои «сепаратные нормы, изъятия и ограничения». В газете подчёркивалось, что нужда в работниках возрастает с каждым днём, а неиспользованных интеллигентных

сил среди женщин очень много: «и было бы непростительно, если бы эти силы так и оставались не использованы в такой требующий напряжения всех сил страны момент, как переживаемый ныне» [4].

Если на уровне центральных ведомств вопрос о женском труде только начинал пробивать себе дорогу через бюрократические преграды и «сепаратные нормы», то на местах, в крупных городах Дальнего Востока, эта необходимость уже обретала конкретное практическое воплощение. Особенно показательной была ситуация во Владивостоке — крупнейшем портовом городе. В газетной статье под названием «Работа женщин» сообщалось, что трамвайное хозяйство с начала войны «перешло на женщин-кондукторов, которые справлялись с обязанностями ничуть не хуже мужчин». На городском телеграфе появились женщины-рассыльные, работавшие «даже лучше подростков». Вместе с этим в статье отмечалось, что на частных предприятиях случаи трудоустройства женщин в качестве посыльных были редкими и единичными. Большинство таких мест занимали китайцы, которые до войны доминировали в сфере низкоквалифицированной городской прислуги. Тем не менее даже эти немногочисленные примеры автор считал важным симптомом перемен. Привлечение двух-трёх сотен нуждающихся женщин во Владивостоке к работе кондукторов и рассыльных, по его мнению, позволило существенно улучшить благосостояние их семей, которые в условиях «отчаянной дороговизны» жили на грани нищеты. Однако ещё более значимым он считал, что женщины, вовлечённые в трудовую деятельность, не станут идти «от скуки на улицу, в разврат». Приведённый фрагмент наглядно демонстрирует, как Первая мировая война ломала традиционные гендерные стереотипы на Дальнем Востоке. Женщины не только доказывали свою профессиональную состоятельность, но и стали рассматриваться обществом как реальная альтернатива дешёвой иностранной и подростковой рабочей силе. Женская занятость, с точки зрения автора газетной статьи, выполняла не только экономическую, но и важную морально-профилактическую функцию: она удерживала женщин от проституции и социальной деградации [11].

В этом же году дальневосточная пресса осветила феномен участия русских женщин в международной торговле. В марте газета «Далёкая окраина» опубликовала обширный репортаж из Японии под заголовком «Русско-японская торговля», в котором корреспондент обратил внимание на новую тенденцию: происходило увеличение числа русских женщин, прибывающих в Японию в качестве уполномоченных покупателей и заказчиков. По преимуществу они искали медикаменты, аптечные и медицинские товары, а

также шприцы для подкожных впрыскиваний. Причина такого явления была очевидна: «война отвлекла мужчин, и женщины пришли им на помощь, взяв на себя коммерческие функции». Корреспондент описывал реакцию японских деловых кругов на данное нововведение. Японские предприниматели, осознавая вынужденный характер сложившейся ситуации, тем не менее столкнулись с беспрецедентным явлением: женщины заняли ответственные позиции в качестве покупателей и активных участников коммерческих переговоров. Эта ситуация представляла значительное отклонение от устоявшихся корпоративных норм и практик, которые традиционно доминировали в японской бизнес-культуре. Даже американки, как отмечал автор статьи, — граждане страны, с которой Япония давно вела крупную торговлю и к методам которой японцы успели привыкнуть, крайне редко проявляли инициативу и самостоятельно посещали японские торговые фирмы. Обычно их сопровождали мужья, братья или другие родственники мужского пола. Женщина-клиентка считалась в Японии «мелочным дельцом», с которым много возни, прежде чем будет достигнуто какое-либо соглашение. Традиционные методы заключения сделок, распространённые в японской торговой практике, предполагали необходимость угостить покупателя-мужчину водкой (особенно если он русский), шампанским или изысканными гастрономическими редкостями. «Дамские желудки», иронизировал корреспондент, обычно не оценивали таких угощений, поэтому появление клиентки только усложняло и затрудняло переговоры: «самое большее, на что могла рассчитывать такая клиентка, — это выразить желание посмотреть на гейш, но и гейши относились к посетительницам своего пола иначе, чем к мужчинам». В таких ситуациях женщины, как правило, оказывались в положении, требующем выполнения функций, традиционно ассоциируемых с мужской сферой деятельности, включая ведение переговоров, заключение контрактов и таможенное оформление. Это обстоятельство привело к необходимости адаптации и трансформации гендерных ролей в деловом мире Японии, что, в свою очередь, оказало влияние на формирование новых моделей взаимодействия между полами в контексте профессиональной деятельности. Феномен, когда женщины Российской империи отправлялись за границу для приобретения медицинских препаратов, свидетельствует о повышении уровня их автономности и предпринимательских способностей. Их деятельность помогала обеспечивать фронт и тыл необходимыми медикаментами в условиях, когда традиционные каналы снабжения были нарушены [13].

Высокую самоотверженность проявляли женщины-медики. В августе 1916 года «Далёкая окраина» рассказала о гибели сестёр милосердия Амурского лазарета при взрыве. Их похоронили с почестями, гробы покрыли белыми покрывалами с красными крестами, а венок от сотрудников лазарета имел надпись «Жертва святого долга» [14]. По данным Т. Я. Иконниковой, из дальневосточных отделений (общин) Красного Креста на фронт в августе 1914 года было отправлено 12 сестёр милосердия, в 1915-м — уже 73. Их подвиги широко освещались в прессе [7, с. 128].

В ответ на военные действия и вызванный ими экономический кризис была инициирована масштабная благотворительная деятельность, организованная женскими общественными объединениями. В апреле 1915 года газета «Дальний Восток» сообщила, что кружок дам по изготовлению белья воинам, основанный И. Ф. Борисовой, организовал благотворительный вечер, сбор от которого составил 1100 рублей. Кружок поблагодарил английскую колонию во Владивостоке за участие [17].

Параллельно с развитием благотворительности и вовлечением женщин в экономику происходило постепенное, но неуклонное расширение прав женщин в Российской империи. Одним из ярких проявлений этой тенденции стала активность общественных организаций. 23 декабря 1915 года газета «Приамурская жизнь» сообщила, что Российское общество защиты женщин направило министру юстиции докладную записку. В ней обосновывалась необходимость дополнить действующее законодательство в части наказания за прелюбодеяние с малолетними, не достигшими 14-летнего возраста, и установить за это преступление кару в виде ссылки на каторжные работы [6].

В августе 1916 года газета «Амурское эхо» опубликовала развёрнутую аналитическую статью, в которой на конкретных примерах доказывалось, что правовое и образовательное положение русских женщин значительно лучше, чем во многих европейских странах. Автор статьи подчёркивал, что имущественная самостоятельность русской женщины отличает её от женщины французской, которая без согласия мужа не может распоряжаться своей собственностью. Общее отношение к женщине в России, по мнению автора, несравненно выше, чем в Германии, где даже в интеллигентной среде распространено воззрение, что область женских интересов должна ограничиваться «церковью, кухней и детской». Наиболее ярким показателем прогресса служила сфера образования. В то время как во Франции и Германии насчитывалось лишь около 1000 женщин, обучающихся в высших учебных

заведениях, в России к началу 1916 года, по данным министерства народного просвещения, высшее образование получали 31 433 женщины. Автор статьи отмечал, что за последнее время появился целый ряд правительственных распоряжений, разрешающих принимать женщин на новые, ранее недоступные для них отрасли государственной службы. По проекту нового городского положения, разрабатывавшегося в Государственной думе, женщинам предполагалось предоставить избирательное право на выборах в городские думы. Особое внимание уделялось успеху в законодательной сфере, имевшему место в нижней палате. Законопроект о женской фабричной инспекции был внесён в Государственную думу по инициативе 33 депутатов ещё в феврале 1913 года. Вскоре инициатива была признана целесообразной, несмотря на возражения представителей министерства торговли и промышленности. Затем она была подвергнута детальной проработке в комиссии по вопросам труда. Актуальность законопроекта подчёркивалась тем фактом, что в некоторых отраслях промышленности, например в текстильной, количество работающих женщин уже давно превышало число мужчин [12]. В публикации «Далёкой окраины» отмечалось, что даже после завершения военных действий женщины должны быть наделены равными правами с мужчинами, поскольку изменения в экономической сфере делают этот процесс эмансипации неизбежным [5].

Февральская революция 1917 года дала мощный импульс политической активности женщин. 9 апреля в Хабаровске состоялся митинг, организованный женским союзом, который перерос в манифестацию за предоставление женщинам избирательных прав. На митинг собралось несколько сотен женщин, которые прошли под «Марсельезу» от городского дома к Николаевской площади. Они выступали с речами об установлении равноправия между мужчинами и женщинами [7, с. 355].

Однако практика проведения муниципальных выборов в 1917 году показала, что женщины по-прежнему не воспринимались всерьёз как самостоятельная политическая сила. Количество женщин, которые выдвигали свои кандидатуры и были избраны, оставалось крайне незначительным. Хотя Февральская революция и не привела к немедленному установлению равноправия между мужчинами и женщинами, она стала отправной точкой для дальнейшей борьбы за права женщин [16, с. 361–364].

Примечательно, что женщины играли активную роль в инициации процесса формирования профсоюзов. В июне 1917 года газета «Уссурийский край» сообщила, что работницы мыловаренных заводов самостоятельно

организовали «Союз работниц торгово-промышленных предприятий» и обратились за помощью к более опытному лицу для выработки устава [15].

Одной из самых острых дискуссий, развернувшихся на страницах прессы весной 1917 года, стал вопрос о закрытии домов терпимости. 16 марта «Далёкая окраина» опубликовала статью, в которой Г. Секунд настаивал на немедленном закрытии борделей, называя их губительными для молодых жизней. Он призывал создавать дома трудолюбия, мастерские, кулинарные курсы [9]. Однако уже на следующий день, 17 марта, в той же газете появился ответ от лица «падшей женщины». Она упрекала мужчин в том, что они не замечают чужого горя в эйфории революции, и предупреждала, что после закрытия домов терпимости эти женщины, лишённые врачебного осмотра, пополнят новый «мстящий слой», который будет мстить за поруганную честь [2]. Февральская революция 1917 года предоставила возможность для публичного обсуждения наиболее актуальных и ранее табуированных социальных вопросов.

Таким образом, Первая мировая война стала мощнейшим катализатором изменений в социально-экономическом положении женщин Дальнего Востока России. Мобилизация мужского населения вынудила женщин осваивать новые профессии. Параллельно с экономической адаптацией происходило постепенное расширение возможностей женщин. Февральская революция 1917 года придала этим процессам новое значение. Женщины выходили на улицы с требованиями избирательных прав, создавали собственные профсоюзы, участвовали в митингах и манифестациях. Несмотря на то что реальное представительство женщин в выборных органах оставалось ничтожным, а равноправие не было достигнуто, именно в эти годы были заложены основы для последующей гражданской активности. Война и революция, разрушив старые гендерные стереотипы, открыли женщинам путь в публичную сферу, который уже невозможно было закрыть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Громова, А. И. Влияние Первой мировой войны на повседневность российских женщин привилегированного сословия (по материалам женской периодической печати 1914–1917 годов) / А. И. Громова // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. — 2018. — № 4 (61). — С. 32–39.
2. Женский вопрос // Далёкая окраина. — 1917. — 16 марта (№ 3220). — С. 3.
3. Женский вопрос // Дальний Восток. — 1916. — 13 янв. (№ 11). — С. 3.

4. Женский труд и бюрократия // Приамурская жизнь. — 1916. — 29 апр. (№ 2036). — С. 2.
5. Женщина и война // Далёкая окраина. — 1916. — 25 марта (№ 2878). — С. 2.
6. Защита женщин // Приамурская жизнь. — 1915. — 23 дек. (№ 1937). — С. 3.
7. Иконникова, Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Т. Я. Иконникова. — Хабаровск : Хабар. гос. пед. ун-т, 1999. — 448 с.
8. Перельман, И. В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка / И. В. Перельман // Манускрипт. — 2017. — № 9 (83). — С. 142–148.
9. Помощь проституткам // Приамурская жизнь. — 1917. — 6 апр. (№ 2296). — С. 3.
10. Пушкарёва, Н. Л. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Н. Л. Пушкарёва, П. П. Щербинин // Журнал исследований социальной политики. — 2005. — Т. 3, № 2. — С. 147–162.
11. Работа женщин // Дальний Восток. — 1916. — 23 сент. (№ 236). — С. 2.
12. Расширение женских прав // Амурское эхо. — 1916. — 3 авг. (№ 433). — С. 2.
13. Русско-японская торговля // Далёкая окраина. — 1916. — 22 марта (№ 2875). — С. 2.
14. Смерть сестёр милосердия // Далёкая окраина. — 1916. — 23 авг. (№ 3022). — С. 2.
15. Союз работниц торгово-промышленных предприятий // Уссурийский край. — 1917. — 11 июня (№ 126). — С. 4.
16. Тригуб, Г. Я. Реализация женщинами избирательного права в ходе городских выборов на Дальнем Востоке и в Забайкалье в последней четверти XIX – начале XX в. / Г. Я. Тригуб // Балт. гуманитар. журн. — 2017. — № 3 (20). — С. 361–364.
17. Хроника // Дальний Восток. — 1915. — 29 апр. (№ 109). — С. 3.